

Я — чеченец!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Герман Садулаев

Герман Умаралиевич Садулаев

Я – чеченец!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63521226

SelfPub; 2020

Аннотация

Трудно быть чеченцем. Если ты чеченец – ты должен накормить и приютить своего врага, постучавшегося к тебе как гость, ты должен, не задумываясь, умереть за честь девушки, ты должен убить кровника, вонзив кинжал в его грудь, потому что ты никогда не можешь стрелять в спину, ты должен отдать свой последний кусок хлеба другу, ты должен встать, выйти из автомобиля, чтобы приветствовать идущего мимо пешком старца, ты никогда не должен бежать, даже если твоих врагов тысяча и у тебя нет никаких шансов на победу, ты всё равно должен принять бой. Шокирующая правда о чеченской войне, по ту сторону лживых правительственных новостей. И не только. Яркие образы, неожиданные сюжеты, живой язык, напитанный силой родной природы. Предельная лирическая откровенность в сочетании с величием эпического стиля автора. Первый художественно убедительный голос воюющей за свободу Чечни. Оказывается, чеченцы умеют говорить...

Содержит нецензурную брань.

Герман Садулаев

Я – чеченец!

Одна ласточка еще не делает весны
Осколочная повесть

1

Наверное, я могу жить так и дальше. Утром выключать звенящий в мобильном телефоне будильник, чистить зубы, бриться, набирать ванну и полчаса лежать в теплой воде, растворяя ночные сны. Днем идти или ехать, перебирать бумаги, упражнять лицевые мышцы и связки гортани, делать все, что называют словом «работа» и за что мне заплатят деньги. Вечером читать книги. Так можно жить вечно. Как будто ничего больше нет. Как будто ничего больше не было.

И если сны – так это только сны, они растворятся утром в теплой воде.

И если память – это тоже сны, она растворится в потоке улицы.

И если мысли – они о снах и о прошлом; а снов нет, и прошлое – тот же сон.

И если сердце...

Если сердце не остановится.

Однажды оно остановится.

И я расскажу тебе мою любовь, мой страх, мое одиночество, горечь мою и сладость, мою вину перед тобой, мама.

Сможешь ли ты простить меня? Помнишь, я ходил по твоим лугам, сидел у твоих ручейков, обнимал деревья твои; ты мурлыкала мне кошкой на коленях, ты пела ласточками, синими звездами ты светила мне. Я был твоим младшим, и ты любила меня, я знаю, ты любила меня больше остальных. Может быть, потому что я был нездоров, слаб и застенчив. Мать всегда больше любит того, кого жалеет. Другие гордые, сильные, независимые, а я приходил к тебе и клал свою голову на цветы и травы, и ты ласкала меня. И слова складывались в строчки, я пел тебе песни и читал стихи, в зарослях высоких, в полный рост лопухов. И ты улыбалась мне, да, но ты не смеялась. Ты обнимала меня ивовыми ветками и прятала от других; пусть никто не увидит, никто не скажет, что мой мальчик немощен и безумен, в нем вся душа моя.

И я любил тебя так, как никто не любил. Когда тяжелыми ночами ты стонала от боли, ты плакала, я сидел с тобой на нашем старом диване, я гладил твои ноги в шишках от солевых отложений и еще это страшное слово «тромб», я жег его жёстким лучом своих глаз, я растворял его слезами. А днем я снова засыпал на уроках, я молчал у доски, я ниче-

го не отвечал учителям, брал свой дневник и садился. Я не мог сказать: моя мама больна. У моей мамы третью ночь не проходят боли.

А потом я бросил тебя. Мне стало душно, страшно, невыносимо. Я убежал. Это большой паук, вот он ползет по тонкой паутине, и мне страшно, мне страшно, мама! Я закрываю глаза. И сразу – нет паука. Ведь это мой кошмар, а я убегу, я закрою глаза и его больше не будет.

2

Я давно хотел убежать. Потому что я знал, ты должна умереть, и ты будешь умирать мучительно, долго. Я не мог этого видеть. Во мне жил страх, страх, мама!

Ты зеленела свежей травой на лужайках, ты украшала себя ромашками и одуванчиками, и золотом самой высшей, осенней пробы, ты тоже украшала себя. А я чувствовал солевые отложения под твоей кожей, я пил с виноградным соком твою кровь, и она была слишком сладкой, слишком высокий уровень сахара, так сказал доктор. И тромб, я видел, как глубоко под землей, он медленно движется по артерии, все ближе и ближе к твоему нежному сердцу.

Когда ковш экскаватора пробороздил твое любимое тело, на краю поля, за нашим домом, я опустился на дно, я прижался щекой к твоей теплой, ароматной плоти. Она пульсировала и дышала, и она была больна, больна предчувствием.

Предчувствия наполняли мой ум, на долгом пути между домом и школой я считал в уме воинские подразделения, видел карты операций, проигрывал сцены боев, в которых сражение шло за каждый твой дом, еще спокойный и мирный. Это не могли быть мои мысли, это были твои мысли, мама, и ты думала их во мне. И мне было страшно.

В день своего совершеннолетия я пытался бежать в первый раз. Я приехал из Петербурга, собрались мои школьные друзья и подруги. Взрослые ушли, и мы пили сладкую, обжигающую водку. С непривычки алкоголь лишил меня внешнего сознания; как заговоренный, я встал и вышел из дома. В перспективе дороги я увидел горы, был ясный день, и я увидел далекие синие горы. И я пошел к ним. Меня схватили, меня потащили обратно. Я вырывался, кричал: мне надо идти, я должен уйти в горы, мы все должны уйти в горы, иначе будет поздно, скоро будет уже поздно! Меня никто не хотел слушать, но я знал: осталось совсем немного.

Потом утратил силы, обмяк и позволил уложить себя спать. И проснулся через час, едва не захлебнувшись рвотными массами. Я пытался сказать: не надо бояться! Я всё помню, я знаю, что мы должны делать. Пришли орды кочевников, огромное войско, их сотни тысяч, и пыль, поднятая копытами их коней, заслоняет солнце. Мы примем бой на равнине и почти все умрем. Мы будем защищать тебя, мама! И ты будешь оплакивать каждого из нас горьким соком надломленного папоротника. А потом, когда нас останется

слишком мало, ты скажешь нам: идите в горы. Оставьте меня здесь и не тоскуйте обо мне. Я притворюсь мёртвой, или нет, я притворюсь живой, я оставлю здесь свой образ, лишенный крови, а сама, ночами, мимо костров дозорных, мимо ханских шатров, я прокрадусь вслед за вами, я найду вас в горах. И однажды в горном ручейке вы увидите мое лицо, вы услышите девичий смех и поймете, что вы не бросили свою мать, и ваша мать не оставила вас, она с вами.

Мы так и сделали. Я ушел в синие горы, там, на скалах, я построил башню из каменных глыб и рядом, на маленьком плато, я поставил склеп, в котором я жил, когда умер. И мама пришла, на узких террасах у края ущелий она нежно прижималась ко мне теплой щекой плодородной земли, она зеленела пшеницей и рожью, её аккуратная, по-девичьи упругая грудь набухала каждую осень, и я припадал к ее соскам, а она кормила меня.

3

По дороге на Ведено, за Сержень-Юртом, в Чёрных горах, покрытых буковым лесом, стояли пионерские лагеря. Я провёл там одно лето. Утром была линейка, зарядка, завтрак. Вечером – танцы на заасфальтированной площадке. А ночью мы выбирались из корпусов и, перебравшись через высокую ограду, шли в Чёрные горы. Мы знали место отвала, где брали белый сланец. Сланец был нужен нам, чтобы делать баш-

ни.

Каждый чеченец должен уметь строить башни. Мы лепили свои башни из белого сланца: усеченная пирамида, с зубцами на крыше. Полировали сланец алюминиевой ложкой, тайно вынесенной из столовой, потом сушили на солнце. Из пионерского лагеря каждый привозил одну башню. Мужчины должны уметь делать башни, потому что настанет время, когда мы уйдем в горы. И будем строить башни, чтобы остаться в живых.

Моя башня стояла в библиотеке. Однажды сестра, протирая книжные шкафы от пыли, задела ее, башня упала и раскололась. Сестра посерьезнела, собрала все куски, склеила и, чтобы не было видно трещин, покрыла башню алым лаком для ногтей. Теперь моя башня была алой, как кровь.

Через 14 лет сестра упадет на площади села, сбита взрывной волной ракеты типа «земля-земля» и посечённая осколками. Я прилечу в Назрань, войду в больничную палату, я возьму её на руки и понесу до самолета. Мы отправимся в Петербург; и ещё полтора года врачи будут собирать и склеивать её тело.

4

Прошло триста лет, кочевники перебили друг друга и рассеялись в степях, и осели облака пыли, поднятой копытами конницы. Тогда я вернулся. Я помню, как тронул сохой твою

грудь, впалую, утрамбованную копытами военных станов. И она была суха, безмлечна. Я упал на землю, я обнимал тебя и плакал, мама. Потом мы проводили обряды. В летний месяц мы отлавливали змей и вывешивали их на деревьях. Мы разоряли вороны гнезда. Мы вспахали русло пересохшей реки, в ту и в другую сторону. И смотрели на горы. И ты вернулась к нам, мама. Другой весной ты стыдливо обнажила плечо, перевернулся пласт чернозема, и для нас снова потекло молоко.

Не надо бояться, когда придет смерть, мы уйдём в горы и построим там башни.

5

Но я не ушёл в горы. Я сел на поезд и вернулся в северный город. И меня не было рядом с тобой. Сможешь ли ты простить меня, мама?

Меня не было рядом с тобой, когда упали первые тяжелые бомбы, а тебе нечем было прикрыть тело, твое платье порвалось, раны воронок вывернули твою женскую плоть, и даже жестокое, бесстыдное небо закрыло глаза. Я должен был припасть к твоим ранам, я должен был закрыть тебя хотя бы от одного осколка, омыть твоё тело своей кровью, прижаться к тебе лицом и впитать твою боль, но меня не было рядом с тобой.

Ты спешила к бомбоубежищу, уже полуслепая, с больны-

ми ногами, под руку со своей подругой и соседкой, любимой всей округой русской медсестрой, ее звали тётя Дуся, её все помнят, она хромала от рождения, военный летчик, забавляясь, стрелял в вас из пулемета, а ты заплакала и села на обочине. Потому что не могла идти быстрее, на усталых, исковерканных отложениями и вздувшимися сосудами ногах, и тётя Дуся села рядом и тоже плакала. У летчика закончился боекомплект, и он улетел. Ты подняла свою белую руку, ты протянула ее вверх, посмотрела на небо своими уже почти невидящими глазами и сказала: «Будь ты проклят!»

У тебя не было «стингеров», зенитных орудий, ракет «земля – воздух», радаров ПВО. Только твоё проклятие, обращенное к небу с сонмом бессильных ангелов, и к военному летчику за штурвалом бомбардировщика. И небо покрылось тучами, три дня шел дождь. А летчика сбили одиночным выстрелом из АКМ, нашли на земле, запутавшегося в стропах парашюта, и перерезали ему горло.

Но меня, меня не было рядом с тобой.

И когда тяжелые гусеницы танков давили тебя, когда приступы длились сутками, когда ты теряла кровь, опадала разрушающимися от вакуумных бомб домами, когда ты тихо стонала в дальней комнате нашего дома от боли, когда ты уже не скрывала царапины от осколков на стенах и не вставляла стекла, меня не было рядом.

И я боялся снова увидеть тебя, когда вернусь. Я боялся взглянуть в твои глаза. Я вернулся и понял, что я зря боялся

встретить в твоих глазах укор. Когда я вернулся и увидел твои глаза, в них уже не было укора. Они были слепы. И дом был слеп, с пустыми глазницами окон.

Но ты взяла мою руку в свою и сказала: «Здравствуй, сын! Хорошо, что ты дома».

6

Трудно быть чеченцем. Если ты чеченец – ты должен накормить и приютить своего врага, постучавшегося к тебе как гость, ты должен, не задумываясь, умереть за честь девушки, ты должен убить кровника, вонзив кинжал в его грудь, потому что ты никогда не можешь стрелять в спину, ты должен отдать свой последний кусок хлеба другу, ты должен встать, выйти из автомобиля, чтобы приветствовать идущего мимо пешком старца, ты никогда не должен бежать, даже если твоих врагов тысяча и у тебя нет никаких шансов на победу, ты все равно должен принять бой. И ты не можешь плакать, что бы ни происходило. Пусть уходят любимые женщины, пусть нищета разоряет твой дом, пусть на твоих руках истекают кровью товарищи, ты не можешь плакать, если ты чеченец, если ты мужчина. Только один раз, всего один раз в жизни ты можешь плакать: когда умирает мать.

В самом начале войны старшая сестра попросила родителей приехать к ней в Новороссийск. Мама и папа не хотели, они все верили, что война – это ненадолго, это страш-

ная ошибка, недоразумение, скоро всё кончится, они не хотели покидать родные места. Они приезжали к сестре в гости, смотрели телевизор, снова верили, когда с экрана говорили, что боевые действия окончены, и возвращались домой, несмотря на все мольбы своей дочери. Так было несколько раз, пока, наконец, родители решили остаться. И они переехали, а в Шали осталась наша вторая сестра. Она вышла замуж и уехать наотрез отказалась.

После долгой тяжелой жизни, после страшной войны, мать и отец прожили в Новороссийске три года, которые стали самыми счастливыми в их жизни. До этого всё время что-то мешало, мешало им просто быть вместе. Сначала работа, служебные пьянки отца, гости, ссоры с родственниками. Потом тюрьма. И война. А тогда всё прошло. Мама уже была слепа, была тяжело больна, какое тут счастье? Но оно было, счастье. Целый день отец был рядом с мамой, они разговаривали, они больше никуда не торопились. Каждый вечер он брал её под руку, и они гуляли по вечернему двору, подолгу, особенно летом, когда юг опьяняет запахами, кружит голову теплом. И все соседи смотрели на них со светлой завистью, на влюбленную пару, прожившую вместе уже больше тридцати лет.

Когда сестру ранило, состояние мамы стало резко ухудшаться. Эта ракета, «земля – земля», она приблизила смерть, она отняла ещё несколько лет, несколько лет настоящего счастья для моих отца и матери.

Через год сестре было уже лучше, её почти вылечили, а мама... Старшая сестра позвонила, и мы вылетели из Петербурга в тот же день. Когда мы доехали до квартиры, мама была ещё жива, или... я не знаю. Слышала ли она нас, поняла ли, что мы рядом, чувствовала ли, что я держу её руку. Мама была в коме, всю ночь. Она стала спокойной утром.

В доме занавесили зеркала, поэтому я не видел себя. И это была сестра, она взглянула на меня и сказала: у тебя седые виски. Я поседел за одну ночь.

И выплакал слезы. Только один раз в жизни может плакать мужчина, и в это время он выплакивает все свои слезы, за всю жизнь, за всё, что было, и за всё, что будет, наперед.

Утром я вышел на улицу и посмотрел на мир. Чувствуя легкую, звенящую пустоту. Больше не было страха. Я перестал бояться в то утро. Ничего плохого больше не произойдет. Всё уже случилось. Больше не будет слез. Я больше никогда не буду плакать.

7

Теперь мне не страшна смерть. Ведь смерть – это больше не разлука, смерть – это встреча с тобой, мама.

И я молю тебя о прощении. Я целую твои руки, твои цветы, твои травы, я глажу твои волосы и обнимаю землю твою. За мою невысказанную любовь, за нерастраченную нежность, за то, что меня не было рядом с тобой столько лет,

прости меня, мама! Сможешь ли ты простить меня?

Смогут ли простить меня твои горы, синие, далекие, видимые только в ясную погоду, и черные, близкие, видимые всегда, смогут ли простить меня твои сады, твои золотые поля, твои алые розы вдоль дорожек, сирени и акации, твои весенние ветра и осенние дожди, твои облака и звезды?

Смогут ли простить меня твои ласточки?

8

Я расскажу вам о ласточках.

Весна на Кавказе начинается рано. В феврале сходит снег, в марте уже цветет сирень. Сиреневая сирень, как еще называть этот цвет, если это цвет сирени, и белая. Я помню, на 8 Марта уже цветет сирень, и мы идём в школу поздравлять учительниц, все с охапками сирени в руках. Она высажена вдоль дорог, и на центральной площади, и во дворах тоже – растёт сирень.

На сирени можно гадать, какие отметки будут в четверти. Большая часть соцветий по три или четыре крохотных цветка, но попадаются соцветия из пяти. Мы перебираем ветку за веткой, ища свои отличные оценки.

А в апреле уже цветут сады, яблоневые сады цветут, цветут груши и вишни, и персики цветут нежным розовым цветом. В мае поспевает первая черешня.

Но только когда прилетают ласточки, становится совер-

шенно ясно: завтра будет лето.

Каждый год они прилетают по-разному. Не знаю, кто сообщает им самые точные прогнозы погоды, но они всегда прилетают за день до лета. Никто не сообщает такие прогнозы деревьям. Деревья спешат цвести, и бывает так, что запоздалые холода сбивают цвет на подмёрзшую землю. А ласточки всегда прилетают вовремя.

Мы все ждем, мы всматриваемся в небо, и каждый хочет увидеть их первым. Наконец настает день, и счастливчик вбегает домой, радостный, как будто свершилось чудо: я видел ласточек, они прилетели.

Это всегда похоже на то, что мы не уверены, мы никогда не уверены до конца в том, что они вообще прилетят. Они прилетали в прошлом году, в позапрошлом, прилетали три и четыре года назад, но, может, они не прилетят в этом, и тогда, тогда что мы будем делать, как мы будем жить, если не прилетят ласточки?

Я не знаю, куда они улетают, может, стоит спросить у орнитологов, хотя лучше спросить у детей, каждый ребенок знает, куда в начале осени улетают ласточки: конечно, они улетают в теплую сказочную страну, туда, где зимует лето. И прилетают обратно, принося лето на своих изящных крыльях, рассекающих теплеющую атмосферу. Но нет, лето приходит завтра, может, ласточки – это авангард или разведотряд, они прилетают первыми и сообщают лету азбукой Морзе, свистами и щебетанием: все хорошо, можно наступать. И

лето наступает, лето занимает наши села, но это армия освобождения, и земля встречает лето созревающими плодами и яркими цветами на зеленых лугах.

Может быть, они зимуют в Сирии или в Африке, так скажут орнитологи, но знают ли орнитологи, зачем они прилетают? На четыре коротких месяца из далекой теплой страны, чтобы, торопясь, вывести потомство и опять улететь, почему они не остаются в своем нескончаемом лете, что влечет их из климатической эмиграции? Они просто прилетают домой, но в этом нет иной логики, кроме логики любви, поэтому каждый год мы думаем: когда прилетят ласточки? А может, они не прилетят?

Если в мире больше не осталось любви, если родина – это там, где тебе тепло, они не прилетят. Значит, и нам не нужно здесь жить, значит, каждый должен искать место, где ему будет теплее.

9

И вот они здесь, но это еще не всё. Первый день ласточки стаями кружат вдоль домов, над замершими в ожидании улицами. Ласточки выбирают места для гнезд. И с тайной завистью смотрят соседи на тех, под чьей крышей уже щебечут птицы, и снова каждый думает: неужели в этом году над моим порогом ласточки не будут вить своё гнездо и выводить птенцов? Неужели мой дом проклят?

И, наконец, с облегчением увидят, рано утром, выйдя из дома: они тут, уже суетятся, прилаживают кусочки глины и соломы, лепят гнездо к стене. Значит, всё хорошо, всё будет хорошо, мой дом будет стоять, моя семья выживет. А если две пары ласточек начинают лепить гнезда по разные стороны дома, это хорошо вдвойне: в этом году мой сын приведет в дом невестку, у меня появятся внуки.

Ласточка — это тотем, священная птица, убить ласточку большой грех. Никто не убивает ласточек. Мы жестокие дети, мы упражняемся в меткости, подстреливая из рогаток воробьев, мы устраиваем ловушки для голубей. Иногда мы убиваем голубей просто так, иногда мы разводим в поле костёр и жарим на костре их нежное мясо, но мы никогда не стреляем в ласточек. Наверное, нам объяснили ещё в раннем детстве, что этого делать нельзя, а может, и нет, я не помню, чтобы нам объясняли, просто мы никогда не стреляем в ласточек.

И даже кошки. Наша кошка, славный представитель древнего рода, до крайности смешанной породы, её котята то чёрные как уголь, то голубые как топаз, то камышового цвета, четвёртое поколение с родовым именем Пушка. Пушка Четвёртая, так я её зову. Далекого предка принесли моей бабушке маленьким пушистым комочком, вначале все думали, что это кот, назвали Пушком. Но Пушок оказался девочкой. Чтобы не менять имя, его переделали. Так появилась Пушка Первая, потом была Вторая, Третья и Четвёртая. У кошек

род ведется по женской линии – поди отыщи отца котенка среди окрестных котов.

Пушка Четвёртая не просто охотница, она ответственный работник. Она регулярно давит мышей и крыс, но никогда их не ест. Она понимает – это её обязанность, то, чего от неё ждут. Однажды вечером, когда семья собралась у телевизора, отец посетовал на хорьков, которые подгрызают корни тыкв в огороде; кошка сидела рядом и внимательно слушала. На следующее утро во дворе у самого порога лежали в ряд девять задавленных хорьков, весь преступный клан. Кошка сидела рядом, ожидая похвалы и признания своих заслуг. И, конечно, она никого не съела.

Наша кошка предпочитала птичье мясо.

В один теплый летний день, мама хлопотала по хозяйству во дворе, Пушка нежилась на солнышке, птенцы ласточек начинали свои первые неумелые полеты. Кошка, по привычке сжавшись пружиной, внимательно следила за их передвижениями. Мама взяла в руку веник и с неожиданной сталью в голосе обратилась к кошке: только попробуй! Так сказала мама.

Наша кошка и так никогда не охотилась на ласточек. А после даже не наблюдала за ними, и когда птенцы носились по двору, демонстративно смотрела в другую сторону, всем своим видом давая понять: и вовсе они мне не интересны, эти ваши ласточки.

Наверное, они умирают, ласточки. Большинство из них гибнет при перелёте. Если из двух поставленных на крыло за лето поколений уцелеет хоть одна птица, она по памяти возвращается к тому дому, где родилась, и обновляет своё гнездо, а иногда лепит его заново.

Но мы не видим мёртвых ласточек. Для нас ласточки бессмертны. И та ласточка, что прилетает этой весной, – это та же самая ласточка, что прилетала в прошлую, та ласточка, что прилетала всегда.

Ласточки – это души предков. Моя мама никогда не умрет, она станет ласточкой, она прилетит ко мне из далекой страны, через моря и горы, она будет ангелом, следящим за мной с небес, но близких, очень близких, высотой не более стрехи над моим порогом. Что видят ангелы, когда они так далеко, за облаками?

И когда умирают маленькие дети, они сразу становятся ласточками.

Я был уже вполне взрослым, когда узнал, что у меня было три старших сестры. Самая первая, мама назвала ее Танечкой, умерла в грудном возрасте. Мать с отцом жили тогда в старом доме, наверху, вместе с братьями отца. Наше село,

Шали, делится на верхнее и нижнее, по течению реки.

Ее похоронили на кладбище, но без обрядов. Детям не нужны обряды. Они невинны, их не от чего очищать, не нужны священники и молитвы, дети сразу становятся ангелами, но если они очень любят нас, то не улетают высоко, за перистые облака, они становятся ласточками и живут с нами.

На следующий год мама и папа переехали в новый дом, в нижней части села. Свой, собственный, без неудобно близкого соседства многочисленной родни, красивый и просторный. Но дом – это пустые стены, пока в нем не живет любовь.

Поэтому с такой тревогой мама встречала свою первую весну на новом месте. И вот у всех соседей уже устраивают гнезда ласточки, конечно, это птенцы прошлого лета, они помнят свои дома, а наш новый дом стоит бездушный, пустой. Свекровь, она так не хотела, чтобы отец женился на русской. Первый ребенок умер. И мама тихо плачет, почти каждую ночь, уткнувшись в подушку, одна, в дальней комнате дома. Она не смеет сказать ни слова против родни мужа. Неужели они правы, и ничего не получится, красивая любовь задиристой русской девочки и видного парня, артиста самодеятельности и передового тракториста, а потом председателя парткома, а потом директора совхоза, останется пустоцветом?

Но в первую же весну ласточки прилетели. Мама вышла с тряпкой, протёрла свежевыкрашенный порог от помета и смотрела, как деловито лепит гнездо влюбленная пара. В её

глазах снова стояли слезы, но это были светлые, хрустальные слезы счастья.

С этого дня мама распрямила плечи, её голос стал уверенным и твердым. Мама поставила на место всю мужнину родню. Больше никто не мог сказать ей ни одного обидного слова. Она – законная жена. Мать. Хозяйка дома. К ней прилетели ласточки.

Одна за другой в новом доме родились две красивые и умные дочери, а третьим родился сын. Мама больше не будет ездить на кладбище, к не приметному холмику у ограды. Только иногда, глядя на свою ласточку, доверчиво щебечущую над выводком, она тихо вымолвит: «Танечка...»

12

Война началась зимой. Новогодний блицкриг, план занятия Грозного силами танкового соединения бездарно провалился. На улицах города горели российские танки, в танках горели солдаты. Радиоэфир сочился кровью, извергался внутренностями предсмертного мата и тонким, как камертон ля, отчаянным, как первый крик ребенка зовом: прошу подкрепления, прошу подкрепления, подкрепления, подкрепления!

Подкрепление не пришло. Началась война, настоящая, смертельно медленная война. С севера в Ичкерия вошли новые боевые части. Первые танки и бронетранспортеры в

первых сёлах на пути вторжения женщины встречали цветами. Цветы падали в грязь, под колеса и тяжелые гусеницы. Начались бомбежки и зачистки. Женщины снова выходили навстречу войскам и бросали перед боевой техникой свои платки.

По чеченским обычаям, даже если два кровника стоят друг против друга с обнаженными кинжалами, женщина, распустившая волосы, кинув платок между мужчинами, прекращает бой. Но кто знал о чеченских обычаях? Платки падали в грязь, под колеса и тяжелые гусеницы.

Тогда женщины вернулись домой. Из домов вышли дети. Мальчики двенадцати лет гранатами подбивали танки и БМП, забрасывали их бутылками с зажигательной смесью. Первую машину колонны, последнюю машину колонны. И можно расстреливать из укрытий все подразделение.

На ожесточённое сопротивление федеральные части отвечали ковравыми бомбардировками, артиллерийскими, миномётными и ракетными обстрелами сел. Дом за домом обращались в руины, погребая под собой людей.

13

А что же было весной?

Весной прилетели ласточки. Они появились, в вечерних нарядах, праздничные и счастливые. Закружили стайками вдоль знакомых улиц, стали искать свои гнезда.

Вы никогда не слышали, как кричат ласточки? Вы думаете, они не могут кричать. Ласточки щебечут, звенят, чирикают, переливаются высокими трелями, как могут они кричать?

В ту весну обезумевшие стайки птиц носились над развалинами домов и кричали, протяжно, горестно, безутешно.

Орнитологи скажут, что это невозможно, что такого просто не может быть. Но ласточки, увидев пыль и прах там, где еще прошлым летом они вылетели из гнезда, не остались на родине. Пометавшись по улицам, они улетели обратно, в сказочную, тёплую страну, туда, где зимует лето.

Потому что в нашей стране не осталось любви; только смерть.

14

Я расскажу вам про горы.

Мы живем на равнине, уже триста лет, но горы, они всегда рядом, утром до них можно достать рукой, и вечером до них можно достать рукой, только в летние дни, когда зной колышет воздух, они кажутся далекими, но и водокачка кажется далекой в знойный день, а я добегаю до нее на спор за десять минут.

Горы охраняют нас с южной стороны. Горы ждут нас, поэтому мы живем на равнине, мы не закапываемся под землю, как хорьки, и не улетаем в небо, как ласточки, мы живем

вдоль пологих берегов мутной речки. Ведь если придет беда, мы всегда можем уйти в горы. Там у каждого рода есть своя скала, на скале стоит башня, она высокая, неприступная, в ней бойницы, широкие изнутри и сужающиеся к внешней стене, чтобы было удобно стоять лучнику, а рядом с башней стоит склеп, в нем живут наши предки, мы не закапываем их в землю, нет, мы кладем их на каменные плиты в склепе, и они всегда рядом с нами, вечером мы приходим к ним, чтобы поговорить о делах и выслушать их безмолвные советы, а когда появляется враг и каждый воин рода на счету, они тоже встают к бойницам, когда идет бой, ни один воин не будет лишним. Если придет беда, мы можем уйти в горы.

Беда всегда приходит с севера.

15

На севере – Великая Степь. В степи живут кочевые люди, лихие люди живут в степи. Их много, их всегда так много, тысячи. Они несутся в степи на быстрых, как ураган, конях. Когда ураганы дуют с севера, они выворачивают с корнем деревья, сносят крыши с домов, прижимают к земле пшеницу и рожь.

Ветер приносит облако пыли, тучу пыли приносит ветер, и стрелы тоже летят тучами, а мы стоим на равнине, плечом к плечу, мы защищаем горы, но пыль слезит нам глаза, и кровь заливает лица, тогда мы падаем, а те, кто останется – уйдут

в горы.

Что наша земля визжащим кочевьям? Она не жена и не мать, она случайная девушка в конном аркане. И вот они гикают, хохочут, бешеным блеском горят их узкие глаза, и кони ржут, они хватают девушку за волосы и волокут в шатёр. Там, сорвав зеленые одежды, они насилуют ее. Дыбятся их члены, лица горят в предвкушении удовольствий, они входят в нее, остервенело. Но лоно остается сухим, причиняя насильнику боль, не даруя радости. Тогда возжигают светильники и видят: на ковре не девушка, а кукла из сухой глины, смешанной с навозом, и солома вместо волос на голове и лобке. Где же девушка? Как она обманула их?

В злобе кочевники жгут леса и аулы. Они уходят в Великую Степь, чтобы потом, сменив коней и лица, вернуться снова.

16

Однажды из Великой Степи они пришли тихо, на понурых конях. И не было у них ни копий, ни стрел, только большая книга, в которой написано, что делать людям с утра до вечера, шесть дней. И что людям ничего нельзя делать в субботу.

Они сказали: мы бедны и гонимы, край наш разорен. Примите нас к себе, позвольте жить с вами. Мы не будем мешать, села свои мы построим в самых далеких горах, где даже на узких террасах не держится почва. Мы примем ваш язык,

научимся вашим танцам и песням. Не гоните же нас!

И приняли их горы. А кочевники не стали пахать и сеять, но научили, что все, что тебе нужно, ты можешь украсть у соседа, пока сосед спит. И стали торговать, обменивая рожь одного аула на пшеницу другого, и торговля эта тоже была как воровство, и думали пахари в двух аулах: как они, не собирая ни ржи, ни пшеницы, имеют и того и другого в достатке, а в наших закромах пусто?

А еще они поссорили роды друг с другом, и все стали воевать, и даже внутри рода лилась кровь, а они кивали головами и говорили: да, так заведено, каждый сам за себя, это сказал бог из большой книги. И многие роды сжигали деревянное тело Матери Тушоли и шли к ним за книгой, потому что сказали пришлые: их бог самый сильный, и те верили им.

Только земля чувствовала лихих людей, и лоно ее становилось сухим, а глаза влажными. И было это хуже, чем степной ураган.

17

А еще на севере, дальше, чем Великая Степь, есть Страна Снега. В ней живут люди в звериных шкурах, у них в руках не кривые сабли, как у кочевников, длинные прямые мечи у них в руках. В стране той города и деревни, много меда и масла, а девушки красивы, как утро, и приносят счастье, потому что пшеница растет у них прямо на головах.

Но лихие люди из Великой Степи нападают на деревни и жгут их, берут приступом города, уводят девушек в плен, как солнце бывает украдено ночью. Они продают девушек, светлых, как солнце, за море и получают круглые золотые монеты, они вытаптывают посевы, а все сжатое забирают себе, они забивают скот и пируют, сварив мясо в огромных котлах.

И стенает Страна Снега, плачет по солнцам своим.

Но вот смелые люди Страны Снега собрали дружину и пошли походом на Великую Степь; когда же князь их, с женой и ребенком, попал к кочевникам в плен, юноша, пришедший с юга, помог бежать и обещал укрыть их в горах. Потому что мы братья, мы вместе стоим и держим Великую Степь: одни с севера, другие с юга.

18

Я еще расскажу вам про горы.

Горы бывают разного цвета. Есть Черные горы, и есть горы синие, с белыми шапками снега, под дымчатой фатой облаков. Если ехать на юг от Шали, то дорога приводит в Сержень-Юрт, а сразу за Сержень-Юртом начинаются Черные горы. Это даже не горы, это предгорья, гряды больших, поросших лесом холмов. Черные горы – древние горы. Когда-то они были каменными, но время, ветер и реки, текущие сквозь них, превратили горы в холмы. Буковые леса покрыли вершины и склоны. Когда приходит лето и леса покрываются

лиственной, холмы выглядят темно-зелеными. Осенью золотом, бронзой и медью пылают они. А когда спадает листва, и ветви деревьев остаются голыми, лес выглядит издали черным, и черными кажутся горы.

Дальше, за Сержень-Юртом, Ведено. И там начинаются синие горы. Они из камня, это молодые горы, Кавказский хребет.

Если смотреть из Шали, то Черные горы видны всегда. А дальние горы часто затянуты облачной пеленой горизонта. Но в ясный солнечный день – это так похоже на чудо, сон, мираж – вдруг появляются синие горы, волшебные и зовущие. Мы подолгу глядим на них; все видно в подробностях: вершины и скалы, очертания ледников, выходящие ленточки рек.

Тогда я слышу, как поет мое сердце: иди, иди туда, в горы. Там, в горах, твоя родовая скала, на ней башня из камня, рядом склеп. Там небо становится ближе, там тишина и музыка чистых горных рек, там ты сможешь переждать это время, железный век, в котором люди опять сошли с ума. И долго еще звучит во мне эта музыка.

19

Я заметил, что часто путаю стороны света. Мне всегда казалось, что горы на севере. Я вспоминаю, где восходит солнце: если стоять лицом к горам, то солнце восходит слева, а

справа полыхает закатным огнем. Значит, горы на юге. Ведь если стоять лицом на север, то восток будет справа. Так нас учили в школе. И на уроках географии учили, я помню карты, Кавказский хребет, к северу от него живем мы, к югу расположено Закавказье. Я всегда был хорошим учеником, я все помню.

Почему же мне кажется, что горы находятся в северной стороне?

Может, потому, что даже летом на вершинах далеких гор лежит снег. А снег – это холод, зима, север. Там, где никогда не тают льды, летом живет зима.

А может, потому, что к северу от долины реки Инд находятся Гималаи, куда тысячи лет назад я тоже уходил, чтобы умереть раньше, чем настанет железный век.

20

Кхии-кхип, скрипят колеса повозок. Цельные деревянные колеса, без ободьев, втулки и спиц. Просто срез широкого дерева. В повозки запряжены быки, на повозках сидят женщины и дети. Рядом с повозками едут на лошадях мужчины. Вот старший мужчина делает знак, остановка. Уже вечереет, здесь мы останемся на ночь. Повозки становятся в круг на берегу речонки, внутри круга разжигают костер.

Мужчину зовут Эр, потому что в руках его копье, копье в его народе называется эр. Они пришли издалека, и путь их

растянулся на сотни лет. Когда-то, множество племен, сонмы людей, белокурых, огненноволосых, русских и черных, как смола, которой конопатят ладьи, они ушли с берегов теплого моря и долго шли на восход. Они шли от старых войн за землю, которой становилось все меньше, но находили только новые войны в новых краях. В пути и боях они умирали, они сгорали в братских погребальных кострах и насыпали высокие курганы в степи. В далеком новом краю, где текут широкие реки, где горы на севере, они покорили местные племена. Но война не закончилась, племена стали воевать друг с другом, истребляя поколение за поколением. И некоторые пошли на закат солнца; так они сделают круг и путь завершится.

Когда взошло солнце, Эр проснулся и пошел к речке, чтобы омыть свое тело. На высоком берегу сидел семейный жрец и, не отрываясь, смотрел вдаль. Утро было ясным, рассеялись облака, и на горизонте показались горы, синие, с белыми вершинами, которых не было видно вчера.

Жрец увидел Эра, указал ладонью на горы и сказал: там Город Богов. Эр кивнул головой и спустился к реке. Зачерпнув ладонями воду, он умылся. Над рекой летали ласточки. Они жили тут, делали гнезда в крохотных пещерках отвесного высокого берега.

Эр вошел в воду. Течение было быстрым, стремительным. Омывшись, Эр вышел и пошел к повозкам. Женщины и дети уже тоже проснулись, дети бегали вокруг, женщины начина-

ли готовить еду. Эр увидел, что около его повозки суетится пара ласточек, они выщипывают солому и несут ее к своему гнезду.

Жрец тоже увидел это. Он подошел и сказал: хороший знак. Мы можем остаться здесь. Нам незачем отправляться дальше. В реке мы будем брать воду, недалеко лес, из толстых стволов деревьев мы сложим дома, а там, чуть дальше, посередине поля стоит высокий безлесный холм. На его вершине мы сможем зажечь священный огонь и провести жертвоприношение.

Я помню все это. Помню повозки и усталых людей. Помню их быков, коров, лошадей. Помню, как в предрассветные сумерки они возжигали огонь на вершине холма, поливали пламя топленным маслом и распевали заклинания. Мне до сих пор иногда это снится. И когда я закрываю глаза, я ясно вижу это. Только я вижу это сверху, нет, не очень высоко, не с далеких небес, я вижу это с высоты птичьего полета, с высоты полета ласточки над весенней землей.

19

Война закончилась, война закончилась уже давно. Об этом написали в газетах и рассказали по телевизору. В Чечне налаживается мирная жизнь. Вот, показали по телевизору, снова открываются школы, 1 сентября – День знаний, во всех школах проводят урок мира. Нет больше никакой вой-

ны. Угрюмые генералы сообщили, что бандформирования разгромлены, сепаратисты больше не способны на организованное сопротивление. Только остатки банд скрываются в лесах и горах, но они все будут уничтожены, завтра, или на следующей неделе, после субботы.

А когда наступает весна, и леса покрываются зеленью, а за весной приходит лето, угрюмые генералы говорят: бандиты пользуются «зеленкой», чтобы оставаться незамеченными, если бы не «зеленка», мы бы уже уничтожили их. Я никогда не знал раньше, что можно это так называть, когда приходит весна, и леса покрываются нежной, как кожа новорожденного младенца, листвой, чтобы это можно было назвать «зеленкой».

А когда наступает осень, а за осенью приходит зима, угрюмые генералы говорят: в горах идут дожди, очень плохая видимость, а потом леденеют склоны и дороги превращаются в каток, трудно выдвинуть моторизованное соединение, этим пользуются остатки бандформирований, что нападают на села, захватывают их, а потом снова уходят в горы.

И круглый год подрывают грузовики с солдатами на дорогах, стреляют в служащих администрации, устраивают террористические акты в Грозном. В Чечне мир, в Чечне уже давно стабильность, такая стабильность, которая и не снилась в глубине России, здесь даже должности в правоохранительных органах даются пожизненно. На все оставшиеся две недели твоей жизни.

Война уже закончилась, может, скоро даже сократят численность ограниченного контингента войск, расположенных в Чечне. Но артиллерия остается. И, чтобы оправдать «боевые», расстреливает снаряды.

Иногда солдаты устают стрелять, от выстрелов тяжелых орудий болит голова и закладывает уши. Они собирают снаряды и уносят в лесок, там закапывают в землю. Через неделю о месте захоронения боеприпасов сообщают приятелям из пехоты. Проводится спецоперация, и вот по телевизору рассказывают: обнаружен очередной схрон боевиков, с запасом взрывчатых веществ, предотвращен теракт. Пехота тоже отрабатывает свои «боевые».

Но часть положенных снарядов расстреливают. Каждую ночь артиллерия, стоящая за Шали, стреляет в горы. Официально огонь идет согласно ориентировкам, согласно агентурным данным, по скоплениям боевиков. Но у них не может быть таких данных на каждую ночь. Они просто стреляют в горы. Как будто горы воюют с ними.

Каждую ночь тяжелые снаряды с воем летят над домами в сторону гор и, ухая, взрываются где-то далеко-далеко. Горы сотрясаются и стонут, но они очень большие, горы, нужно очень много стрелять, чтобы убить горы.

Вот тогда и будет настоящая победа. Когда умрут горы. Когда они сровняются с землей, и больше не будет этой гордой гряды, гордость и горы – один корень, не будет гордости гор, будет покорность равнин, или, скорее, будет пустота

степеней.

Не будет больше гор, только Великая Степь без конца и без края.

20

Говорят, что осёл, побывавший в тени, уже не станет работать на солнцепеке. Мы не вернемся в Чечню. Московские, питерские, омские, ярославские, воронежские, саратовские, астраханские, пермские и еще Бог весть какие чеченцы. Русские чеченцы. Мы привыкли жить здесь. Даже затравленные слежкой, не принимаемые на работу, не регистрируемые в милиции, а потом обобранные этой милицией за отсутствие регистрации, мы всё равно останемся здесь. И это не только те, к кому судьба повернулась приветливым лицом, кто стал богат и успешен в России. Это и те, кто мыкается по съемным квартирам, каждый день зарабатывая на хлеб дня завтрашнего.

Мы стали женственны и расслаблены, мы больше не сможем жить под суровым оком далеких гор. Следовать законам адата, отвечать жизнью за каждое слово, взвешивать каждый свой поступок, зная, что за него ответят наши дети, всем станет известно все, и через сотню лет нашего потомка укорят недостойным поведением его праотца. Хранить целомудрие, практиковать воздержание, знать только свою жену. В свободной России для чеченского мужчины другие прави-

ла: у мужчины есть только одна мать, все остальные женщины – его жёны.

Они вводят танки и бэтээры, у них артиллерия и ракеты, у них самолеты: истребители, штурмовики, бомбардировщики. Глупые русские. Женщины – вот самое страшное оружие русских. Только русские женщины могут рассеять, уничтожить чеченский народ.

И вот они рядом, всегда столь желанные, девушки, приносящие счастье, девушки, у которых пшеница растет прямо на головах. Россия. Здесь ночные клубы, дискотеки, бары, алкоголь и наркотики. И всегда новая девушка. Мы можем взять ее за руку в кафе или на улице, и не обязаны после этого жениться на ней, мы приведем её в свой дом, но только на ночь, а утром она поймает такси и уедет, не сказав ни слова. Мы всегда мечтали о них, о девушках с пшеничными волосами. И вот они есть у нас. Но где счастье?

Нет счастья, не принесли его нам светловолосые русские женщины. Мы сами стали женщинами рядом с ними.

21

И есть чеченцы, которые женаты на соплеменницах, говорят на родном языке, по два раза в год вывозят детей в Чечню и, собираясь туда, называют это не иначе как «домой». Они не называют домом то, где живут сейчас, даже если это их собственные квартиры, купленные или приватизирован-

ные. Но их всё меньше. Новое поколение дружит с русскими девушками, ходит на дискотеки, не собирается возвращаться в село.

А есть мы, которые потеряли корни уже давно, ещё до того, как начались войны. И мы скитаемся, «подобно облаку, разорванному ветром, не находя пристанища ни в том, ни в этом мире».

Мы стали чужими там, мы никогда не станем своими здесь.

Мы бы даже не помнили, мы бы давно забыли, что мы чеченцы, но нам напоминают об этом. Россия делает все для того, чтобы чеченцы стали настоящей нацией, единой и монолитной, и каждого птенца, выпавшего из гнезда, она силой запихивает обратно.

Если мы забудем, нам покажут наш собственный паспорт. В моём старом советском паспорте в графе национальность стояло: чеченец. Чтобы я не забыл. В новом, российском паспорте, нет графы «национальность». Но это ничего не изменило. На первой же странице указано место рождения: Чеченская республика. Это неправда. Не было никакой Чеченской республики, когда я родился. Я родился в Чечено-Ингушской АССР, в одном из регионов СССР, управляемом, как и все прочие регионы, обкомом КПСС. И тогда нас учили, что мы принадлежим к единой великой нации, которая зовется советским народом. И мы верили. Ехали поступать в институты в Москву и Ленинград, большие города нашей

большой родины, оставались жить там. А теперь нас учат тому, что мы – чеченцы. И большая страна стала для нас вдруг чужой.

22

Во время первой чеченской, ближе к её позорному для России окончанию, я жил в Петербурге. Никакой регистрации у меня не было, да я и не особо переживал по этому поводу. Милиционеры на улицах меня не останавливали, благодаря моей европейской внешности. Несчастные милиционеры, никто не снабдил их даже элементарной инструкцией об антропологическом типе чеченского народа. В поисках террористов задерживали «лиц кавказской национальности». Если вы всерьез воюете с кем-то, хотя бы узнайте о нем. Большинство чеченцев – лица некавказской национальности.

Простите меня, патриоты-соплеменники, ученые и не очень, из вполне понятных и достойных уважения побуждений утверждающие, что чеченцы – один из самых древних этносов на земле и, что чеченцы – коренной кавказский этнос. Нет, не буду спорить о происхождении чеченцев. Потому что спор этот лишен всякого смысла.

Нет самого понятия происхождения чеченского этноса, потому что никакого чеченского этноса нет, по крайней мере, ещё недавно не было. Были древние шумеры, жившие в

эпоху Вавилонского царства, и хурритские племена, которые затем основали государство Урарту. Остатки хурритов заселили предгорья Кавказа, возможно, смешавшись с еще ранее проживавшими здесь племенами. Они дали будущим чеченцам основы культуры и общий язык, без сомнения, наиболее близкий к древнему хурритскому. Но язык – это еще не нация.

И далее, тысячелетиями, одно за другим наслаивались пришлые племена. Одними из первых были, видимо, арии, в эпоху великого переселения народов странствовавшие от северного Причерноморья на Восток, до Индии. Кто-то остался на Северном Кавказе по пути «туда». Были, видимо, и те, кто остался на пути «обратно».

Самую необычную версию происхождения чеченцев я откопал в древних индийских пуранах, эпических повествованиях. Там говорится, что сословие кшатриев, воинов, стало слишком многочисленным, их постоянные войны опустошали землю. Тогда богиня Земли, Бхуми, в виде коровы, пришла к Верховному Богу Вишну и попросила у Него защиты. Вишну воплотился в образе брахмана, жреца, который, отступив от дхармы, положенного жрецу рода занятий, начал сражения и девять раз уничтожал поколения кшатриев. Остатки гонимой волей Бога воинственной касты покинули Индию и укрылись от гнева Господа в Египте, где основали Древнее Царство, и в горах Кавказа.

За гипотезу об их арийском происхождении чеченцы дорого заплатили. Выселением в Казахстан, в 1944 году. Я не нашёл тому официальных подтверждений, но сами чеченцы уверены, что Сталин решил репрессировать весь чеченский народ не из-за байки о «белом коне», которого чеченцы якобы готовят для Гитлера, и не из-за сопротивлявшихся советской власти бандитов в горах (бандеровцев было куда больше, но никто и не подумал выселять всю Украину), а из-за того, что ученые в нацистской Германии разрабатывали теорию, по которой чеченцы – арийский народ, и в завоеванной России им готовилась роль равных с немцами.

Я не знаю, так ли это, вполне возможно, что такая теория могла использоваться нацистской пропагандой как трюк, чтобы создать себе союзников внутри СССР, но и теория об арийском происхождении, так же как и теории о кавказском, хурритском, тюркском или семитском происхождении чеченцев одновременно и верны, и неверны.

Потому что никакого происхождения не было. Хотя и были все перечисленные племена. После ариев, еще много кто оставался в горах. Куда пропали печенеги? Половцы? Уходя с исторической арены, многие народы сохранялись, влияясь в конгломерат племен, которые соседи именовали то сосанами, то дзурдзуками, то еще как-нибудь. Самоназвание чеченцев нам ничем не поможет: этноним «нохчи» перево-

дится просто как «люди».

После краха Хазарского каганата несколько родов хазар также осели в горах и даже распространили на части Чечни иудаизм. И этот процесс не прекращался. Бежавшие из крепостной России славяне становились чеченцами, вдохнув свободный воздух гор.

В Кавказских горах возник еще один Вавилон. Только, если в Вавилоне шумерском много языков пытались построить одну башню, до самого неба, на Кавказе племена, принявшие один язык, строили каждое свою башню. А небо – небо было и так близко, стоя на вершинах гор, можно ловить руками белые облака.

Многие нации составлены из разнородного этнического субстрата, что не мешает им быть нациями. Но для этого нужна переплавка. А полной переплавки в Чечне, чтобы там ни говорили люди, изучающие историю по книгам, так и не состоялось. Каждое племя сохранило себя. Именно в этом смысл существования тэйпов, чеченских родовых кланов, о которых так много пишут, и всё равно так мало понимают в России.

Конечно, и в тэйпах смешивалась кровь. Поскольку тэйп ведет свое происхождение от единого родоначальника, внутритэйповые браки запрещены. Это правило действительно и по сию пору. Кровь в тэйпе смешивается, причем целенаправленно, чтобы не допустить вырождения рода. Но только по женской линии. Каждый чеченец назовет вам, по меньшей

мере, семь предков по мужской линии, некоторые назовут и двадцать. Но едва ли кто помнит своих предков по линии женской дальше прабабушки. Чеченцы тысячелетиями брали в жены аварок, осетинок, ингушек, грузинок, русских и тем более представительниц других тэйпов. Но вели свой род по мужчинам. За тысячи лет была проведена уникальная селекция по закреплению мужского генотипа.

Это подобно тому, как женским генотипом закреплён еврейский народ, только наоборот.

24

Каждый тэйп сохранил память о своем историческом происхождении, и тэйпы так и не переплавились. Все помнят, что тэйп Гуной происходит из русских, скорее всего, наиболее многочисленный тэйп Беной ведет начало от хурритов, происшедшие от хазар тэйпы до сих пор именуют горскими евреями, татами, мой тэйп, Эрсной (Арсеной в другой транскрипции) – потомки индоевропейских переселенцев.

Поэтому эрснойцы русые, высокие, светлоглазые, больше похожие на прибалтов или немцев, чем на «лиц кавказской национальности».

Несчастные милиционеры. Если вы хотите задержать чеченца, не ищите брюнета. Чеченца можно узнать по другим признакам, которые я не стану вам подробно описывать. Расскажу только, что однажды, когда мой отец был в Петербур-

ге, он встретился со старой знакомой, русской женщиной, которая провела несколько лет в Чечне. Меня эта женщина до той поры не видела. Они с отцом ждали меня, сидели и разговаривали о чеченцах. Женщина сказала, что до сих пор может выделить чеченца в толпе, по походке и поведению. Взглянув на массу людей, идущих по улице, она показала рукой на одного и сказала: вот, этот наверняка чеченец. Отец улыбнулся и ответил: да, это и есть мой сын.

Та женщина, она сказала, что чеченец всегда держит себя так, как будто сегодня ему принадлежит весь мир, а завтра его все равно убьют.

25

Таких тонких моментов не знают стражи порядка, поэтому я жил без регистрации и спокойно проходил мимо милицеских постов. Но когда мое предприятие арендовало помещения на режимном заводе, понадобился пропуск, а пропуск без регистрации не оформляли. Я попросил хозяина квартиры, которую снимал, он был человеком хорошим и сразу написал положенное заявление.

Нас вместе с хозяином пригласили в ОПВС, где регистрируют иностранцев. Мы пришли, и я с порога сказал, что это незаконно: я гражданин России, почему для моей регистрации нужен особый режим? Помню майора, сидевшего за столом. Он встал и со злостью в голосе заявил: идёт война, и

вы все враги.

Значит, так. Мы – чеченцы, и мы враги России. Если мы об этом забываем, нам напомнят.

Хозяину квартиры при мне долго объясняли, чем для него чревато предоставление мне жилья. Гарантировали постоянные обыски, проверки паспортного режима, а если в районе прогремит любой взрыв – привлечь его в качестве соучастника. Потому что виновным буду автоматически назначен я.

В тот день хозяин все же не отказался от намерения сделать мне регистрацию. Но через месяц с извинениями, опустив голову, попросил меня съехать с его квартиры.

То, что происходит с чеченским народом, Лев Гумилев назвал бы пассионарным перегревом. От этого и героизм чеченцев, их активность, их воспроизводство, но и фатализм, самопожертвование. Угнетенный инстинкт самосохранения. В худшем случае, пассионарный перегрев заканчивается вымиранием нации.

Не знаю, солнечной ли активностью это вызвано. Скорее, историческими обстоятельствами, в первую очередь, российской политикой. Вплоть до новейших времен чеченцы были лишь конгломератом разношерстных племен, которые никогда не были способны объединиться до конца, создать собственную государственность и сформировать единую нацию. Если «война до последнего чеченца» не будет завершена, если чеченцы выживут и станут народом, благодарить за это они будут должны Россию, которая лучше всяких сол-

нечных аномалий зажгла в них пассионарность, заставила встать плечом к плечу и внушила каждому: арию, хурриту, хазару – ты чеченец. Русские – наша последняя надежда. Они не позволят нам оставаться женщинами. Они заставят нас быть чеченцами и мужчинами, потому что каждый чеченец – боевик, каждый чеченец – враг.

И остается только – победить или умереть.

26

Большие дома, как скалы над узкими реками петербургских улиц. В скалах крохотные пещерки, в них живут люди, натаскав внутрь мебель и бытовую технику. Как речные ласточки. Люди сами как ласточки. Может, потому, что все здесь уже давно умерли, им просто забыли сказать об этом.

А настоящих ласточек здесь нет. Сюда никогда не прилетают настоящие ласточки. Иногда я думаю: как можем мы построить здесь дом, зажигать очаг? В эти места все равно никогда не прилетят ласточки.

Я сумасшедший, вы разве этого еще не поняли? Только сумасшедший может так много думать о ласточках. Иногда я думаю, что я сам – ласточка. Может, потому, что я уже давно умер.

И горы. Никто не будет так много думать про горы.

За шестнадцать лет я жил в двенадцати городах. Дважды женился, но до сего дня я всего лишь одинокая птица, от-

бывшаяся от стаи, так легко отбиться от стаи, когда и сама стая потеряла свою дорогу в небе. У меня родилась дочь, я назвал ее именем, которое носила моя мать. Это имя – Вера. Но у меня не осталось Веры. И я вижу ее все реже и реже, часто только на фотографиях. И снова не могу уснуть ночью, и сердце сжимается тоской и болью, потому что я почти не вижу, как растет моя дочь. Вы поймете это, даже сумасшедшие люди – всего лишь люди.

Снова и снова, почему ничему не суждено сбыться?

Может, где-то в далеких горах шальной снаряд разбил мою родовую башню. И на разлуку и скитания осужден весь мой род, пока я не найду это место, пока не соберу, не сложу вековые камни. Хотя бы из белого сланца построить башню свою!

27

Я расскажу вам про сумасшедших.

Перед войной много сумасшедших появилось в Чечне. Может, ожидание войны породило их, может, сама земля вытекла в них, как янтарная капля смолы обволакивает свежие порезы на дереве, только дерево еще не было порезано. Может, это Мать Тушоли говорила с нами их языком, она послала своих любимых детей, но кто слушал?

В нашей округе жил Ибрашка. Полное имя его было Ибрагим, моя мама назвала его Ибрашка, Ибрашка-дурашка, так

его стали звать и все остальные. Ибрашка был самым обыкновенным сельским дурачком. Он был очень силен и вынослив, даже красив. Целыми днями работал: носил воду, запасал дрова, что-то строил, сам пас и доил коров. Он был, наверное, самым лучшим сыном для своей матери, которую нежно любил и не давал ей делать ничего тяжелого во дворе и в доме. Его даже пробовали женить, но невеста через три дня вернулась к родителям. Поговаривали, что Ибрашка оказался слишком могучим в постели, и девушка просто не вынесла. После ухода невесты Ибрашка грустил неделю, потом забыл и снова занялся домом, двором и коровами. Словом, это был обычный слабоумный. Плохо говорил, больше молчал, одевался не по росту. И еще одна странность. Ведь у всех сумасшедших бывают странности, на то они и сумасшедшие. Ибрашка боялся самолетов.

Стоило в небе появиться серебристой птице, или послышаться далекому гулу реактивных двигателей, как Ибрашка впадал в панику, искал укромное место и прижимался к земле, как ребенок прижимается к мягкой груди матери. Даже тархтящих в ближнем небе «кукурузников» сельхозавиации боялся Ибрашка.

А мы не боялись самолетов. Нам нравилось смотреть на них, приложив ладонь козырьком ко лбу, провожать металлических ангелов восторженными взглядами в их высоком пути за облаками. Особенно мы любили военные самолеты, оставляющие белый инверсионный след в шелково-голубом

небе. Мы вообще ничего не боялись.

По уровню развития Ибрашка на всю жизнь осталсяребенком, и мы, дети, часто играли с ним. Но иногда, о, бессмысленная детская жестокость, всячески измывались над дурнем. Обзывали его нехорошими словами, кидали в него куски навоза и камни. Ибрашка долго терпел, но порой и его терпению приходил конец. И тогда он, с налитым кровью лицом, бросался вдогонку стайке обидчиков. Глупые, безрассудные дети! Если бы Ибрашка поймал кого-нибудь из нас, он мог легко, сам того не заметив, отвернуть голову, сломать пойманному забияке шею. Но у нас был один испытанный способ избежать расправы. Когда Ибрашка был уже слишком близко, кто-нибудь громко кричал: Ибрашка, смотри, самолет! А остальные начинали гудеть: вvvvvvvuuuuuuuuuuуууу. И Ибрашка с размаху падал на землю, иногда прямо на жесткий асфальт дороги и долго лежал, закрыв голову руками. И мы хохотали над ним.

Бедный, безумный Ибрашка. Не самолетов надо было ему бояться. Когда начались бомбардировки, он терпеливо переживал все налеты в бомбоубежище. Но если в небе не было авиации, он бесстрашно выходил на улицу. Кроме самолетов Ибрашка ничего не боялся. Однажды он вышел из бомбоубежища, чтобы принести детям воды, в то время, когда по селу проводилась зачистка. Его расстреляли из автоматов русские солдаты.

После войны многие, оставшиеся в живых, слышав гул

мирных самолетов, взлеты и посадки пассажирских бортов около аэродрома, невольно вжимают голову в плечи. А некоторые не могут совладать с собой, падают на землю и закрывают голову руками.

28

В центре Шали, сколько я себя помню, жила еще одна сумасшедшая, Дунька. То есть я не знаю, где точно она жила, но увидеть ее можно было в центре, почти каждый день, рядом с универмагом или базарной площадью.

Дунька была русской учительницей, приехавшей в Чечню по распределению. Когда она была еще совсем молодой девушкой, ее изнасиловал один шалинец. Насильник бежал от милиции в горы, а Дунька стала носить ребенка. Говорят, уже тогда она стала немного ненормальной, поглаживала свой разбухающий живот и говорила: не надо никого искать, сажать в тюрьму. Вот он у меня, тут, в самой темной темнице. Того шалинца все же поймали и осудили. Судил советский суд, и насильник отправился отбывать наказание в места лишения свободы. Если бы его судил суд рода, он бы уже никуда не отправился. Но Дунька была русской, приезжей, у нее не было рода, не было ни одного, даже самого далекого родственника, и некому было перерезать горло преступнику.

Когда пришел срок разрешиться от бремени, Дунька ро-

дила мертвого мальчика. Долго не хотела отдавать трупик врачам, только когда уснула, тело забрали и закопали у ограды кладбища. Вот с того времени и стала Дунька полностью сумасшедшей.

Она раздобыла где-то старую детскую коляску, уложила в нее куклу с оторванными ручками и день-деньской бродила по центру села, со спутанными волосами, в немыслимых лохмотьях. Все Шали чувствовало свою вину перед Дуней за то, что ее изнасиловали здесь, и стыд, что насильник остался жив, а значит, по законам гор, не наказан. Дуньку не отправили в психбольницу, у нее даже не забрали учительскую квартиру. Каждый день встречные давали ей еду и деньги, родители запретили детям смеяться над божьим человеком, женщины разговаривали с ней на улице. Особенно женщины с детьми любили разговаривать с Дунькой. Как поживаешь, Дунька? – говорили они, – куда идешь? Вот, гуляю со своим ребеночком, отвечала Дунька. И сразу обращала внимание на детей собеседницы: а твой мальчикто как подрос! И видно сразу – умный! Большим начальником будет! А девочка, девочка, какая красавица! Самого лучшего жениха во всем Шали заполучит, будет жить в достатке, как сыр в масле кататься! Матери любили разговаривать с Дунькой. Конечно, любой матери нравится, когда хвалят ее ребенка. А слова Дуньки, божьего человека, принимались как благословение Всевышнего.

Потом Дунька жаловалась: а мой ребеночек совсем не рас-

тет. Я и кормлю его, и пою. Дунька показывала детскую бутылочку с молоком, которую время от времени приставляла к пластмассовой голове изуродованной куклы. А он не растет! А знаете, почему? Потому что он мертвенький...

И матери, как могли, утешали Дуньку. Они говорили: ничего, Дунька, вырастет и твой ребеночек. Он ведь еще совсем маленький! Ты его только вчера родила, что же ты хочешь, чтобы он уже ходил и разговаривал?

Так и жила Дунька, без малого тридцать лет от начала своего помешательства до войны. И уже поседела, и морщины покрыли ее лицо, а ребеночек все не рос, но матери утешали Дуньку, и та верила, что родила своего ребеночка вчера, и счастливо улыбалась.

Только беременные женщины боялись встретить Дуньку. Случись Дуньке столкнуться с носящей во чреве плод, она подходила, клала женщине руку на живот и спрашивала: а твой ребеночек тоже родится мертвеньким? Жуть брала женщину от таких слов, она возвращалась домой ни живая, ни мертвая и долго молилась, а родственники звали в дом святого или муллу, чтобы те защитили от сглаза.

Дуньки не стало после одной из первых бомбардировок, ее изувеченное осколками старое тело закопали на кладбище, рядом с могилами мусульман.

После двух войн медицинские работники в Чечне отмечали, что, из-за стрессов, ранений, последствий применения химического оружия и вакуумных бомб, женщины все чаще

стали рожать мертвых детей, даже если не было выкидыша, и плод был доношен по сроку.

29

Не только в Шали были сумасшедшие. В другом районном центре, Урус-Мартане, жил блаженный Данги. Данги был высокий и рыжий как солнце. Его и называли Малх Данги – Солнечный Данги. Данги жил особняком, не женился, детей не заводил. Работал ночным сторожем в совхозе, а днем спал, если только не случались похороны. Похороны были настоящей работой Солнечного Данги. Когда умирает чеченец, проводят похоронный обряд, тезет. Собираются все родственники умершего и пожилые односельчане. Тело хоронят сразу, в тот же день, обряды проводятся после похорон, во дворе покойного. Мужчины сидят отдельно, женщины отдельно. Варят баранину, угощают всех приходящих. Совершается зикр – суфийское моление.

Много удивительного и непонятного для меня произошло в Чечне в последние годы. Появился муфтий, Ахмад Кадыров, который заявлял: русско-чеченская проблема, я вам скажу, как решить русско-чеченскую проблему, в России 1 миллион чеченцев и 80 миллионов русских, каждый чеченец должен убить 80 русских, так решится русско-чеченская проблема. Потом этот же самый Ахмад Кадыров стал про-российским главой Чечни, а когда то ли боевики, то ли ФСБ

взорвали его на стадионе, сын Ахмада, Рамзан Кадыров, поехал в Кремль и под объективами телекамер со всего мира встречался с Путиным. И весь мир увидел нового потомственного лидера Чечни. В спортивном костюме и папахе.

Муфтий. Какие муфтии? Чеченцы никогда не были фундаменталистами, у них не был в чести ортодоксальный ислам. Были мечети, муллы, но в мечети мало кто ходил, а о муллах сочиняли анекдоты. Религиозная жизнь чеченцев происходила главным образом в общинах суфиев. У суфиев нет священников, мулл, нет муфтиев и церковной иерархии. Основатели и руководители суфийских общин – шейхи, святые. Шейх может даже не знать арабского языка, на котором написан Коран, его авторитет в личной святости и нравственности, главное для суфиев не следование ритуалам, а религиозный экстаз. Суфийская разновидность ислама как нельзя лучше подходила свободолюбивым чеченцам, всегда противившимся всякой власти, кроме авторитета мудрости, опыта и личного нравственного примера. Большинство чеченцев пофамильно входят в ветви суфийского ордена. На зикрах, под аккомпанемент музыкальных инструментов поются имена Бога, и участники зикра впадают в транс во время моления.

Данги ходил на все тезеты в Урус-Мартане и участвовал во всех зикрах. Жил Данги скромно, в обычные дни ел сис-кал, кукурузные лепешки, запивая их молоком или простоквашей. А на тезете всегда очень много мяса. Данги любил

ходить на тезет. Во время поминок Солнечный Данги вел себя спокойно и тихо, как все мужчины, вставал и приветствовал входящих, вел приличествующие случаю беседы. А на зикре Данги первым впадал в экстаз и часами сидел, бормоча что-то невнятное, качая головой, и временами вскрикивая: «Аллах Акбар», велик Аллах!

После начала войны Данги перестал выходить на работу, целый день ходил по селу с блуждающей улыбкой. Всем встречным Данги говорил, что скоро будет много похорон, ночью надо спать, чтобы бодрствовать на поминках. А работать уже совсем не надо, потому что теперь Данги будет каждый день есть вдоволь мяса.

А однажды Данги надел свою лучшую одежду и пошел прочь из села. Раньше Данги никуда не ходил, и его спросили: куда ты, Малх Данги? В Самашки, сказал Данги. У меня много дел в Самашках, там роют сотни могил, и будет такой тезет, какого не было еще за всю мою жизнь!

Бедный Данги, думали люди в Урус-Мартане, совсем стал дурной из-за этой войны. Русский пост около Урус-Мартана пропустил Данги: пусть идет, ненормальный. Глядишь, мину на дороге обезвредит. От Урус-Мартана до Самашек 25 километров, Данги пошел пешком и всем по дороге говорил: я иду в Самашки, там будет большой тезет, потому что похоронят сотни людей, как может Данги не попасть на такой тезет? А потом будут хоронить самого Данги, и вы все обязательно приходите. Так Солнечный Данги приглашал людей

на собственные похороны.

В Самашки пришли русские. Они убивали всех: мужчин, женщин, стариков, детей. Забрасывали дома гранатами. Во дворе школы, на тополях, глядящих в слепые окна пустующих классных комнат, повесили младшекласников, а потом обожгли трупы из огнемёта. И написали на кирпичной стене: «Музейный экспонат: будущее Чечни». За один день больше двухсот могил появилось на самашкинском кладбище.

Но не попал Данги на тезет. На входе в Самашки его оставил другой русский пост. Солдаты сказали, что Данги – боевик, что он притворяется сумасшедшим. Они били Данги, они загоняли ему иголки под ногти, а Данги кричал «Аллах Акбар», велик Аллах! Данги впадал в транс, как на зикре. Солдаты разъярялись все больше и больше. Они замутили Данги до смерти и выкинули его труп на дорогу. Люди из Урус-Мартана забрали тело Солнечного Данги и похоронили. Много людей пришло на похороны, сотни и тысячи! Ведь все уже знали, что будут похороны Данги, он сам об этом рассказал.

Село живет восходами и закатами. Город живет часами, временем на электронных табло станций метрополитена, звенящими на разные мелодии будильниками в мобильных

телефонах, выпусками новостей в автомобильном радио. А село живет восходами и закатами.

Когда алая корова солнца выходит на бескрайнее синее пастбище неба, медленно пережевывая белые кусты облаков, чтобы напоить парным молоком дождя зеленого теленка полей, хозяйки, гремя эмалированными ведрами, заходят в сараи для утренней дойки. Белыми струями звонко ударяет молоко в дно посуды. После дойки отворяются ворота и, подгоняя шлепками ладоней, хозяйки выпроваживают коров на улицу. Коровы собираются в нестройные колонны и сами идут знакомым маршрутом на выпас. где-то впереди шествует пастух, которому от каждого двора дают немного денег и вдоволь молока, сметаны и творога.

Особых пастбищ около села нет. Земля застроена, занята лесопосадками или распахана под посевы злаков. Коровы щиплют траву вдоль дорог, вдоль совхозных угодий и на большом поле, которое в плане села значится футбольным. Еще одно, настоящее футбольное поле есть в центре. На нем проводятся районные соревнования, занимаются воспитанники ДЮСШ. На этом, окраинном поле, у края рощи шелковицы и берега реки Басс, в футбол играем разве что только мы, мальчишки, но нам коровы не помеха.

Вечером, когда солнце клонится к стойлу заката, пастух собирает стадо и направляет его обратно в село. Пестрая демонстрация коров занимает дорогу и тротуары. Возникает единственно возможная в селе пробка, и водители автомо-

билей покорно ждут, пока неторопливо пройдут коровы. С главной улицы демонстрация растекается по боковым улицам, улочкам и переулкам. В воздухе стоит разноголосое мычание и пыль, поднятая стадом, пронизанная лучами закатного солнца. Пыль, поднятая копытами коров, очищает человека от всех грехов, как воды священных рек и божественный дождь, после которого в небе подковой выгибается радуга. Оттого ли люди стоят вдоль домов, когда они возвращаются?

Каждая корова знает свою дорогу к дому. Если хозяйка не встречает ее на улице, корова недовольно мычит. Тогда открывается калитка, и босоногий мальчуган отодвигает тяжелые створки ворот. В этот момент облака отражают последние багровые лучи закатившегося светила.

В каждом дворе села есть корова, иногда две, или даже несколько. Многие могут позволить себе купить молочные продукты на рынке, но если в доме нет коровы – чем занять дочерей, как проверить невестку, не лентяйка и не гулена ли она?

На рынке продается сметана, из сливок, процеженных в маленьких сепараторах, гуще магазинного масла, вкусная, как первый декабрьский снег, и головки домашнего творога, закутанные в марлю. А молоко на рынке не продается. Еще чего, продавать молоко! В каждом дворе есть корова, и если чья корова еще не отелилась, то соседи принесут молоко, в трехлитровой стеклянной банке, а надо – и в эмалирован-

ном ведре. Никому же не приходит в голову продавать воздух или воду.

В нашем дворе две коровы, одна красной масти, ее зовут Зорька, другая – пестрая, Ласточка. Мы взяли их маленькими телушками и вырастили до красивых невест. Сестры встречают Зорьку и Ласточку у ворот и провожают к стойлам в кирпичном сарае, построенном специально для них.

Когда сестры уехали учиться в большой город, мы продали коров; мама болела и не могла одна ухаживать за всей живностью. Кроме коров у нас жили десятки кур, важные, как потомственная аристократия, гуси, китайские утки, индюки, кролики и нутрии в проволочных клетках. Зорька успела отелиться, ее мы продали на другой конец села, вместе с теленочком, а Ласточку яловой взяли на улицу по соседству. Ласточка еще месяц приходила к нашему двору и призывно мычала. Но, отелившись в новом доме, признала и новых хозяев. Зорька долго время от времени сбегала и через все село приходила к нам. Мы запускали ее во двор, кормили и поили, а наутро хозяева забирали ее обратно. Корова на всю жизнь запоминает как свой дом то место, где она отелилась в первый раз.

В районный агропром откудатю сверху спускались планы по сбору урожая и по применению химикатов. Химикаты –

замкнутый круг. Вместе с посевным материалом много незаконных эмигрантов проникло в наши земли: и франтоватые жуки из штата Колорадо, и беглая саранча, и прочая насекомая нечисть. Чтобы защитить посевы, над ними распыляли пестициды. Откушав отравленных жучков, умирали птицы, естественные враги и ограничители численности вредителей. Следовательно, химикатов нужно было все больше и больше.

В один год, перед самым развалом Советского Союза с его агропромами, пришло указание по сверхинтенсивной обработке посевов. Местные агрономы качали головами и пытались что-то доказать на совещаниях, но решение не отменили. Химикаты сбрасывали с помощью самолетов сельхозавиации. Даже самая скромная высота, на которой в небе тархтели «кукурузники», при слабом ветре, все же не могла гарантировать «точечного попадания» химикатов на поля. И яды покрыли траву вдоль посевов, дорог и даже на футбольном поле-пастбище. Ничего не знающие коровы продолжали жевать траву, и одна за другой стали падать на землю, мучительно умирая и с укором глядя в ближнее небо, где летали ласточки и «кукурузники», и с которого впервые тогда пролилась смерть.

Сначала люди перестали пускать коров на выпас. Но держать их день-деньской во дворе было нельзя, да и кормить нечем. Тогда это и началось...

Кровь, густая, почти черная кровь залила землю. Я хоро-

шо помню, детьми мы играли около совхозной бойни, и я хорошо помню озера крови, над которой плотным звенящим облаком висел гнус.

На рынке стало мало сметаны и творога, пропало даже молоко, зато стало много говядины. Цены опустились до нелепо низкой отметки, но мясо уже все равно никто не покупал. Первые две недели еще покупали. Радовались дешевизне. В каждом дворе варили мясо, в больших котлах, огромными кусками, как кочевники. И наедались до одури, до заворота кишок. А потом перестали покупать, и оно просто гнило на деревянных прилавках, засиживалось мухами. Говядину стали выбрасывать на помойку, а санитарная инспекция сбивалась с ног, обрабатывая и закапывая расчлененные трупы, чтобы предотвратить эпидемию. Но эпидемия началась, и санитарная инспекция ничего не могла с этим поделать, эпидемия крови и трупов, она началась через несколько лет.

32

На футбольном пастбище потом устроили авторынок, самый большой в Чечне. На нем торговали машинами, запчастями, а также вещами и всякой всячиной. В базарный день тысячи людей собирались на рынке и толпились от края до края.

5 января 1995 года, в день первого налета авиации на Шали, рынок был полон до краев. Когда в небе показались са-

молеты, никто и не подумал разбежаться. Это же наши, российские самолеты, они, наверное, ищут боевиков. А нам-то что, мы мирные люди. Зачем нам разбежаться и прятаться по бомбоубежищам, как призывал по телевизору бесноватый генерал Дудаев. Не американцы же прилетели.

Самолет, снизившись, сбросил шариковую бомбу в самую гущу толпы. Сотни людей разорвало в клочья, куски тел, человеческого мяса, смешались с покореженным железом автомобилей, так, что хоронить можно было только все вместе. И снова кровь, кровь пролилась на землю. Реки и озера, крови было так много, что казалось, это сама земля сочится кровью, как больная мать, у которой из груди уже не течет молоко, только кровь.

33

Не надо было убивать коров. Корова – это мать человека, ведь она выкармливает его своим молоком. У человека семь матерей: та, что выносила его во чреве, земля, страна, кормилица, корова, ласточка и любая женщина, к груди которой мужчина прикоснулся губами. По чеченским обычаям, если мужчина касается губами груди женщины, она становится его матерью.

Мы отступники, мы нарушили закон. Мы насилуем землю, убиваем коров, мы спим со светловолосыми женщинами, лаская их груди губами. Поэтому небо обрушилось на нас.

В России небо пустое, далекое, ему всё равно, что делают люди. Небо над Чечней плотнее, чем сталь, оно близко, его царапают вершины гор. И оно упало на нас, потому что мы нарушили закон.

Нет, я не участвовал в этом. Я один не участвовал в этом. За год до массового убийства коров, я перестал есть любое мясо. Мне виделась смерть, я ощущал, какое оно близкое и тяжелое, небо. Вы ведь уже поняли, я был сумасшедшим. Я не ел мяса, я боялся неба, я уехал в большой город, чтобы не вернуться туда, где оно упадет. Но зря я бежал, зря. Мужчины умирает один раз, и только трус умирает каждую минуту. Когда упало небо, осколки его разлетелись по всему свету, они вонзились и в мое сердце, и теперь я не знаю, живу я или умер там, на поле, где когда-то паслись коровы и мальчишки гоняли потрепанный мяч.

34

Небо, небо, ты никогда не любило нас! Ты любишь покорных, а мы были горды, за это ты караешь нас, небо! В высоких горах мы подбирались слишком близко к тебе. И земля, наша добрая мать, она не сумела спасти нас от гнева неба-отца. Ведь мы украли у тебя огонь, небо.

Когда Всевышний Господь, Дела, создал этот мир и вдохнул душу в людей, земля была холодна и темна, мы мерзли, даже закутываясь в звериные шкуры, и стены из глины

не могли сохранить тепло в домах, а желудки – переварить сырую пищу. А в небе было много огня, и бог небес, Села, транжирил его, из удали и хвастовства метая молнии во время грозы. И был юноша, звали его Пармхат. По самой высокой горе он добрался до неба, и когда Села спал, Пармхат украл огонь и принес его людям. Люди зажгли очаги в своих домах, стали готовить пищу, люди poznali свет и тепло.

Но разгневался Села за то, что Пармхат сделал людей почти равными богам. Тогда приковал он юношу к скале на Кавказе и повелел орлу целый день клевать его печень, а за ночь печень Пармхата отрастала снова. Так, вечной мукой наказал Села за неповиновение и гордость.

35

Перед началом первой войны, неопознанная авиация разбомбила аэродром у Грозного, где стояли несколько учебных самолетов. Дудаев направил в Москву телеграмму: «Поздравляю руководство ВВС России с достижением господства в небе Ичкерии. Встретимся на земле». Генерал авиации, он должен был понимать, что в современной войне полное господство в небе обеспечивает и победу под ним. Но он повёл обреченный народ на войну, на войну с небом.

ПВО не было. Дудаев послал двух эмиссаров в Лондон, договариваться о покупке «стингеров». Кто знает, как бы прошли войны, если бы «стингеры» попали к силам сопро-

тивления. Но «стингеры» получить не удалось. На этот раз Села не спал, он больше не позволил украсть у себя молнии.

36

Память моя. Я не могу связать твои нити, не могу соткать полотна. Я помню всё, и я ничего не помню. Я помню то, что было тысячи лет назад, я помню то, что было с другими людьми, и то, что только могло быть, я помню то, чего никогда не было, и иногда я помню то, что ещё только будет. Такая память зовется сумасшествием.

Я помню, как я, наверное, это был я, сидел на полу в квартире, это город Петрозаводск, там я тоже жил. Наверное, там я тоже жил. Это был Петрозаводск, это была квартира на 13-м этаже в новом доме, я сидел на полу в кухне и думал о Шалинском танковом полку. В сводке событий с места боевых действий я услышал, что в бою под Урус-Мартаном уничтожен Шалинский танковый полк. Вражеское соединение. Когда умирают русские, это называется «потери», или еще говорят «погибли». Когда умирают чеченцы, они называют это «уничтожены». Потому что чеченцы враги. Я тоже чеченец, значит, враг. И когда я умру, они назовут это «уничтожен».

В бою под Урус-Мартаном уничтожен Шалинский танковый полк. Я думаю, я никак не могу понять смысл этого странного, нелепого словосочетания. Шалинский танковый полк. Шалинский... Господи, да откуда? Откуда в Шали –

танки??!

Я помню только один танк. Он стоял на бетонном постаменте, в центре села, там, где развилка дорог. Жерло его пушки нацелено на село. Говорят, этот танк сбросили, когда Дудаев захватил власть. Ну, пусть, пусть в него даже поставили мотор от трактора, но это же только один танк, это же не целый полк!!!

Я вспоминаю Шали. Шали вытянуто по реке, вот верхнее село, в самом начале кладбище. Село начинается кладбищем. На кладбище могилы, некоторым не одна сотня лет, а танков там не было. Потом дома. Дома окружены заборами, во дворах сараи, в сараях коровы, да, коровы, но танки – танки не спрячешь в сарае. В центре села площадь, универмаг, дом культуры, парк, школа № 8. Это я помню. А танков не помню. Потом, ниже, снова дома, районная больница, автостанция и шашлычная. Да, роща шелковицы, но эту рощу мы, мальчишки, облазили всю. Если бы там были танки, мы бы заметили. И все постройки совхоза были известны нам как свои пять пальцев. А за селом? За селом мы тоже всё знали, лесополоса вдоль полей, искусственный пруд, холм с нефтяными качалками. Мы взбирались на холм, оттуда было видно все село, как на ладони. Танкового полка не было видно. Конечно, есть в селе места, где я не бывал, например, около школы № 3, я там почти никогда не бывал, может, там прятался танковый полк? Нет, как мог прятаться целый танковый полк около школы № 3? Да, я туда не ходил, но мне бы

все равно рассказали, мальчишки рассказали бы, что у нас в селе есть танки, целый полк. Мы очень любили танки, как мы могли бы упустить такое?

Я закрываю глаза и вижу, как они выползают из-под земли, тяжелые, лязгающие чудовища, они выползают из-под земли, они всегда были в Шали, но жили под землёй, поэтому мы их не видели. Они ждали, когда начнется война. Когда нет войны, танки спят под землёй. Их пробуждает грохот канонады, и вот они выползают, разрывая землю, почерневшие от времени, отряхиваются от комьев глины и паутины корней, они собираются в колонну и направляются в Урус-Мартан. Там будет бой. Там их уничтожат. И вместе с ними уничтожат нас. Потому что мы чеченцы, а значит, враги.

37

Это время станет мифом. Война всегда становится мифом. О ней напишут тысячи книг, по книгам снимут фильмы. Это всё – для мальчишек. Новые мальчишки, они будут читать и смотреть про войну, они будут не спать ночами, думая, что бы они сделали, будь на той войне, а днём они будут играть в войну, так, как мы играли в войну с фашистами, когда мальчишками были мы. И снова, они будут жалеть, что не родились раньше, что им «не досталось даже по пуле». И они получают войну, свою войну. Каждое поколение получает свою войну, потому что писатели пишут о ней книги, потому

что её воспевают в стихах и песнях.

Уже пишут книги, много книг. Бывшие солдаты и офицеры, даже генералы, публикуют заметки и мемуары, о том, как они воевали за Россию, сражались в Чечне. И воины Ислама, они тоже пишут, о том, как сражались с неверными, как сладко и весело быть шахидом и заходить к Аллаху, открывая ворота рая ногой.

И только я напишу о ласточках. Потому что я сам – ласточка. Не федеральный витязь, не моджахед, просто ласточка, которая так и не вернулась под крышу родного дома.

И мы уже не мальчишки, мы родились вовремя, да, мы как раз вовремя родились, чтобы погибнуть. Но мы не погибли. Зачем мы не погибли?

Зачем я ждал этой войны, зачем я готовился к ней с самого детства, изучал стратегию и тактику битв, рисовал карты местности, расставлял войска и чертил стрелки атак, отходов, пункты укреплений? Зачем, если я уехал, если я не встал на равнине и не умер, как все?

Если бы я погиб, я погиб бы всего один раз. Какая боль умирать снова и снова! Но я уехал, поэтому я убит пулей снайпера на улице Грозного, я взорван гранатой в Самашках, я смертельно ранен осколком бомбы в Шали и я сгорел в танке в том бою, под Урус-Мартаном, где был уничтожен весь мой полк.

И тогда, сидя на полу в квартире, на тринадцатом этаже, в городе Петрозаводске, я в бессилии кусал свои бледные губы. Слишком громко звучала музыка. Горы звали меня к себе. Я должен был ехать, нет, не чтобы победить, я не мог победить. Мы никогда не побеждали, разве можно победить небо? Я должен был умереть. Или, скорее, нет, не должен, я имел на это право. Я имел право, потомственное право на смерть в безнадежной войне.

Иногда мне кажется, что один я использовал это право. Один я пробрался на родину, взял в руки оружие и был уничтожен. Я даже знаю где: он погиб в окопе у берега реки Басс, когда колонны федеральных войск двигались с севера, со стороны Аргуна.

Но тот я, он уже никогда не напишет об этом. Поэтому, книгу пишу я, другой я, тот, который остался. Тот, кто погибнув, не погибает, полуденная тень, тот, кто переезжая с места на место, теперь навечно будет чувствовать только одно: что он занимает чужие места. Чужие Места.

Когда это случилось и где? Как спутались нити моей памяти, завязались в узлы, переплелись? Может, это случилось, когда мне было 12 лет? Или 6? Нет, скорее, это случилось до моего рождения. Перед самым моим рождением, 32 года

назад.

Когда чрево моей матери стало расти, как прибывающая луна, округляться день за днем, за положенное время до полнолуния, согласно кодексу законов о труде, она ушла в декретный отпуск. Мама работала в школе, преподавала математику. Иногда в две смены, брала дополнительные часы, даже когда папа работал директором совхоза, и недостатка в деньгах не было. Мама любила работу, любила свою независимость.

Взяв декретный отпуск, мама поехала в Ленинград, в свой любимый город. Так я впервые попал на эти болота и еще в чреве матери пропитался их ядовитым, сладким туманом. Пренатальная память. Особенно хорошо я помню Менделеевскую линию, тротуар вдоль решетки у здания Двенадцати коллегий. До сих пор меня тянет к этому месту, где я впервые гулял, стиснутый в нелепой позе, зажатый стенками материнской утробы. Я иду вдоль ограды, я закрываю глаза и чувствую, что возвращаюсь в это первопричинное состояние, назад, в до-время, и эта глупая, пьяная фраза: мама, роди меня обратно.

Незадолго до дня, когда полная луна должна была разрешиться от бремени (был ли я бременем для тебя, мама?), мама вернулась в Шали. И, даже на последних днях срока, часто гуляла, ходила на рынок и в магазин. Беременность протекала легко, четвертая беременность зрелой женщины.

Вот и в тот день, мама шла, задумавшись, по центру, дер-

жа в руке легкий пакет с покупками. Легкий пакет с покупками в одной руке, вторая рука на животе, глаза задумчиво, в точку горизонта, там, где небо сходится с землей. Вы видели эту особенную задумчивость беременных женщин, готовых со дня на день опростать свое набухшее чрево? Вы видели эту припухлость весенней земли, толкаемую изнутри бледно-зелеными ростками?

В задумчивости своей, мама не увидела, вовремя не увидела, не успела свернуть, перейти на другую сторону улицы. Прямо перед ней, как будто бы воплотившись из нечаянной злой мысли, возникла сельская сумасшедшая, Дунька. Дунька протянула свою руку к чреву и беззвучно прошептала, одними губами: «мертвенький...»

В ужасе отпрянула мама, зашагала прочь, скорее, к дому. Едва дошла, как начались схватки. Водитель отца отвез ее в родильное отделение, отошли воды, плод начало выталкивать наружу. Роды были тяжелыми. По пути из материнского чрева ребенок вывихнул ребро. Но не это важно. Важно то, что он родился... мертвым. Безжизненным. Молчащим. Не вдыхающим жадно первую порцию колкого, тяжелого воздуха земной атмосферы.

Долго акушерка била меня по лицу, кричала: ты у меня будешь, ты у меня будешь дышать. Хотя я не помню этого. Как не помню и того, как впервые судорожно сглотнул воздух этой жизни и заплакал, горестно, безутешно. Не помню. Но помню другое. Жизни предков, полеты ласточек, горы и

степи, и даже будущее, только чужое. Потому что тогда, тогда все и спуталось. Может, отмерли нейроны головного мозга, а оставшиеся сцепились друг с другом в немыслимые, невиданные соединения. И стало совершенно не разобрать, чья это память, кто помнит.

40

От Шали до Грозного полчаса на автобусе, на дребезжащем «пазике», всегда набитом людьми, старики и женщины сидят, с женщинами сидят дети, самые маленькие, мы стоим. По асфальтовой дороге, мимо Герменчука. Так зовется маленькое село, сразу за краем Шали, почти моим именем, родовым именем, может, с тех времен, когда светлый человек с копьем, Her Mann, остановил свой обоз здесь, у берега реки Басс. С остановкой в Аргуне, на заплеванной семечной шелухой автобусной станции, можно выйти, размять тело, глотнуть свежего воздуха. Потом еще дорога, поля с нефтяными качалками, перед самым Грозным – справа огромный котлован. Здесь из недр земли набирали породу, может, гравий или песок, и оставили огромную зияющую рану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.